

Михаэль Хан: «Когда мы говорим – Европа, мы обычно подразумеваем Европейский Союз. А мне ясно, что Европа на самом деле гораздо больше, чем ЕС»

Меня пригласили для того, чтобы рассказать о выводах, которые можно сделать спустя 25 лет после падения Берлинской стены. Это, в общем-то, довольно-таки опасный поворот. С одной стороны, события постоянно развиваются. С другой стороны, каждое историческое событие уникально. Поэтому есть определенная опасность заняться манипуляциями.

Выступавшие до меня рассказывали, скорее, о своем отношении к падению Берлинской стены, о том, что они делали в тот момент, когда падала Берлинская стена, как они это восприняли. Я тоже хочу это сделать. Когда я в 1987 году закончил в ГДР 12-й класс, мне было тогда 18 лет, и передо мной открывалась дорога во взрослую жизнь. Мне многое было понятно, как и большинству моих сверстников. Мы родились в ГДР, но мы знали, что мы не встретим в ГДР нашу старость. Мы не знали, как мы покинем эту страну, но мы все были абсолютно уверены, что рано или поздно уедем на Запад. У каждого для этого были различные причины.

В период всего времени существования ГДР более миллиона человек, то есть 10% населения ГДР, приняли такое решение и покинули ГДР официально, легально или нелегальным образом.

Я прекрасно знал, что, живя в ГДР, не буду иметь право свободно путешествовать по миру. Для меня решающим было не потребление, не красивые вещи, которые я мог видеть в рекламах западногерманского телевидения. Это каждый должен решать сам для себя. Для меня - это была невозможность и очень большая тяжесть жить во лжи.

Родители обычно говорят детям: не лги, говори правду. Но в обществе, в котором я жил, родители говорили: не рассказывай, какой канал мы смотрим, не рассказывай, о чем мы говорим дома, не бери все книги, которые есть дома, в школу. Так вело себя все общество. Это была постоянная ложь, постоянное вранье.

Вы знаете, у вас было не иначе. У вас была такая же ситуация. Преподаватель в школе должен внимательно следить за тем, что говорят его ученики. Учитель, который был обязан информировать руководство школы, если вдруг дети выражали запрещенные взгляды, сам слушал западногерманское радио, смотрел западногерманское телевидение. И партийный секретарь, когда контролировал, как ведут себя его подопечные овечки, сам видел все недостатки и все ошибки этой системы. И чаще всего сам был не очень убежденным сторонником этой системы.

Есть западноберлинская газета «Tagesspiegel». У них есть цитата из греческого философа Лукреция. Часть цитаты означает: счастлив тот, кто знает природу вещей. Это было для меня основным побудительным мотивом в жизни. Я хотел знать, в чем природа всех вещей. Тогда не было Интернета. Нашим Интернетом была западноберлинская радиостанция «РИАС-2». Это был наш доступ в открытый мир, наш доступ к правде.

И потом вдруг в 86-87-м годах произошло что-то совершенно не знакомое для нас всех. Появился новый Генеральный секретарь ЦК КПСС, а потом Президент Советского Союза, который начал проводить политику, которая называется гласностью. И вдруг в советских газетах, в советских журналах, которых продавались на территории Германии, мы начали читать статьи о Сталине, статьи о Катыни, статьи о Соглашении Сталина-Риббентропа.

И это были вопросы, которые затрагивали и наше общество. И для наших коммунистов в ГДР это стало так опасно, что они практически запретили все советские газеты, советские журналы, даже большинство советских фильмов. И этот запрет советских газет для многих людей, даже для тех людей, которые верили в систему, которые были членами Социалистической Единой партии Германии, показал наглядно, что система в том виде, в каком она есть, больше существовать не может.

Мы практически пришли к той ситуации, которая известна из трудов Ленина как революционная ситуация. И поэтому мы, как я сказал в самом начале, не видели для себя будущего в ГДР. И поэтому состоялись демонстрации - началом была демонстрация в Лейпциге. На них встречались люди, которые хотели покинуть страну. Основной лозунг был: «Мы хотим вырваться на свободу!».

И в один день 89-го года они не кричали: «Мы хотим вырваться на свободу!», они скандировали: «Нет, мы останемся здесь». Они имели в виду, что верхи не смогут освободиться от тех людей, которые думают иначе. Они не смогут от них избавиться, эти люди останутся в стране и будут оказывать давление на правящие структуры для того, чтобы страна изменилась.

Я еще раз говорю: для меня было основное – та ложь, которая господствовала в стране, где государство могло делать все, что угодно, и не оправдываться перед гражданами. Нельзя было ни с кого спросить, не было никакого права что-то изменить в государстве или высказать свое мнение.

Конечно, у каждого были свои личные причины, почему он вышел на улицу, почему участвовал в демонстрациях. Но очень многие как раз видели, что те способы производства, ведения хозяйства, которые господствовали в ГДР, разрушали окружающую среду. Они хотели оставить для своих детей чистую природу. И они вышли на улицу. Другие вышли на улицу, потому что хотели встречаться и свободно общаться со своими родственниками в Западной Германии. Многие не могли заниматься тем, чем они хотели. Не могли изучать то, что они хотели изучать. И все это вместе – разные установки, разные желания – практически привело к тому, что государство уже было недееспособно. У него были инструменты воздействия, но оно не могло использовать инструменты.

Какой урок получили для себя люди? - Мы должны взять нашу судьбу в свои собственные руки. Если мы считаем, что что-то, что нас окружает, нам не нравится, то мы должны это сами изменить.

Конечно, я не наивный человек. Вполне понятно, что любые события происходят в определенном контексте. Если бы такие демонстрации состоялись на десять лет раньше, то их последствия были бы намного болезненнее.

Я уверен, что, может быть, результат был бы таким же, но он был более драматическим.

В Польше началось десять лет ранее. И поляки продвинулись намного дальше. Уже весной 89-го года у них были Круглые столы. Летом 89-го года у них уже были свободные выборы.

Поэтому я бы не рассматривал падение Берлинской стены как единичное или доминирующее событие. Нет, надо смотреть шире, что многие люди в разных частях страны, в разных странах думали о разных вещах, но направленность была на одно – на то, чтобы самим решать свою судьбу.

Здесь говорилось о демократическом импульсе. Некоторые говорят, что этот демократический импульс затих. Но в Германии сейчас тоже много выступлений, связанных с 25-летием падения Берлинской стены. Наш федеральный президент господин Гаук выступил с очень острой речью и сказал, что мы должны защищать свободу и демократию, которые сегодня находятся под угрозой. Но его послание заключалось не в том, что есть какие-то группы, которые пытаются угрожать демократии и свободе. Нет, как раз равнодушие и безразличие являются основной угрозой для свободы и демократии. Либеральная демократия имеет ограниченные возможности для того, чтобы создать и защитить свои основы. Свобода обеспечивается, прежде всего, тем, что каждый человек, люди в целом каждый день приносят что-то для развития свободы и демократии. При этом есть люди, которые имеют другие взгляды. И есть люди, которым просто живется хорошо, поэтому они могут быть совершенно безразличными к тому, что происходит.

В 1990 году мы думали, что сейчас начнется вечный период мира, разрядки, конфликтов не будет, все будет решено в рамках свободы и демократии, которые будут

безгранично господствовать во всем мире. И для нас на Западе стало очень удобно жить. Не надо каждый день бороться за это, как мы это делали в период революции в ГДР или на протяжении долгих лет борьбы, как это было до этого.

Мне кажется, этот демократический импульс может затухнуть. Но я хотел бы, чтобы в нашем обществе этот демократический импульс, наоборот, приобрел новую силу, новый толчок. Импульс не смириться с тем, что происходит, с тем, что не нравится, с тем, что ограничивает свободу и демократию. Импульс, направленный на то, чтобы изменить это. Конечно, где-то это легче сделать, а где-то – труднее.

Многое здесь было сказано о Единой Европе. Мне, например, совершенно очевидно, что и Россия – часть Европы. И когда мы говорим о Европе, европейцах, мы часто все-таки думаем в категориях политических границ или границ систем. Когда мы говорим – Европа, мы обычно подразумеваем Европейский Союз. А мне ясно, что Европа на самом деле гораздо больше, чем ЕС.

За время, прошедшее с 1990 года, сотни миллионов людей получили возможность самостоятельно выбирать стиль жизни, место, где они живут, самостоятельно строить свою жизнь. Вот это останется навсегда. И это, я надеюсь, будет распространяться в мире.

Я вижу, что вопрос о Европейском Союзе, его границах многими воспринимается чересчур болезненно, как будто на них давят, как будто за этим скрываются какие-то злые намерения. Но мой опыт показывает: все, кто живет и работает в Брюсселе и работает в Европарламенте, каждый день соприкасаются с Европейским Союзом, - знают, что это было желанием жителей Польши, Прибалтийских стран, Чехии, Словакии, Венгрии. Они хотели вступить в ЕС. По материальным причинам, конечно, но и по идейным тоже. А Европейский Союз в течение длительного времени очень сдержанно относится к этим стремлениям.

В 2004 году большая часть этих стран вступила в ЕС, спустя четырнадцать лет после «бархатных революций». Довольно долго – не правда ли?

Как раз в эти дни в Брюсселе будет заседать Еврокомиссия в очередной раз. Будет голосование в Европарламенте, и будет снова назначен Комиссар по вопросам расширения ЕС. Этот Комиссар должен будет выступить перед Европарламентом. И Комиссар заявит, что ближайшие пять ЕС расширяться не будет.

Я говорю это, чтобы продемонстрировать, что Европейский Союз по самым разным причинам (это связано и с его собственными интересами, и с точкой зрения за пределами ЕС), как бы то ни было, очень осторожно подходит к вопросам расширения и вступления в него новых стран.

Андрей Рябов. Спасибо, господин Хан. Вы сформулировали еще один очень интересный аспект этой темы - демократический импульс может затухнуть, его нужно поддерживать, нужно искать какие-то новые аспекты, грани темы, которые позволили бы его дальше развивать. А с другой стороны, подчеркнули, что завоевания, и прежде всего, свобода выбора, которые предоставило это историческое событие, остались не только с народом Германии, но и с теми народами Европы, которые включились в демократический процесс.